

Тимур Кармов
(Россия, Санкт-Петербург)

Владимир Лобанов
(Россия, Санкт-Петербург)

**Гражданская война и интервенция
на территории бывшей Российской империи:
Вооруженные силы Юга России
против Азербайджанской Демократической
Республики в 1919–1920 гг.**

Руководители Азербайджанской Демократической Республики (АДР) и Грузинской Демократической Республики (ГДР), непосредственно граничивших с территорией, занятой в 1918–1919 гг. белогвардейскими войсками на Северном Кавказе, внимательно отслеживали ситуацию, не без причины опасаясь за свои северные границы. Особенно этот вопрос беспокоил руководство АДР, которая непосредственно граничила с только что занятым белыми вооруженными силами Дагестаном, формально бывшим частью территории Горской Республики. Азербайджанский дипломатический представитель при Горском правительстве А. Ахвердов регулярно оповещал своего министра иностранных дел М. Ю. Джафарова обо всех важнейших событиях, происходивших на Северном Кавказе.

После окончательного занятия добровольцами терско-дагестанского региона в мае 1919 г. А. Ахвердов незамедлительно сообщил М. Ю. Джафарову о том, что добровольцы заняли Дагестан. Следует особо подчеркнуть, что добровольческое командование незамедлительно поспешило уведомить азербайджанское руководство, что с занятием территории Дагестана белогвардейцы не станут угрожать суверенитету Азербайджана [9]. Об этом официальные азербайджанские власти в лице председателя Совета министров АДР Н. Усуббекова были уведомлены представителем до-

бровольцев при союзническом командовании в Баку полковником Б. П. Лазаревым.

Более того, помимо своей воли, добровольцы этим уведомлением как бы признавали независимость Азербайджана де-факто. Азербайджанский представитель при белогвардейском командовании сообщил своему руководству 8 (21) мая 1919 г. о том, что на основании полученной им телеграммы следовало, что главнокомандующий ВСЮР заявил, что по отношению к Азербайджану он никаких агрессивных действий предпринимать не собирался. Более того, он допускал и де-факто признал его самостоятельность. После освобождения России от большевиков заключение соглашений с вновь образовавшимися государствами на территории бывшей Российской империи будет делом народного собрания или той верховной власти, которой все вооруженные силы, боровшиеся против большевиков, передадут свои права.

Представитель Азербайджана при кубанском правительстве Д. Рустамбеков, несмотря на уверения белогвардейского руководства, тем не менее встретился сначала с британским представителем при белом командовании в Екатеринодаре генералом Ч. Бриггсом, а потом и с самим главнокомандующим ВСЮР генералом А. И. Деникиным. Естественно, главным, что интересовало азербайджанского посланника, был вопрос, не нападут ли белогвардейцы на его страну. И Ч. Бриггс, и А. И. Деникин заверили его, что в планы белого командования такая акция не входила.

Генералу А. И. Деникину пришлось объяснять занятие своими войсками Порт-Петровска и Дербента стратегическими соображениями, т. к. в борьбе с астраханскими большевиками необходима была военно-экономическая база для грузов, получаемых из-за Каспия от британских союзников. Но такого рода объяснение вторжения белогвардейцев в Дагестан не удовлетворило руководство закавказского лимитрофа.

Доказательством этого послужил меморандум азербайджанского правительства, датированный 15 (28) мая 1919 г., представителям союзных держав на Парижской мирной конференции в честь первой годовщины провозглашения азербайджанской независимости. Азербайджан в нем не столько старался всеми способами отстаивать независимость Горской Республики, сколько, что характерно, пытался

с некоторыми оговорками непрозрачно предъявить свои претензии на ее территорию. Меморандум гласил, что Азербайджанская Республика твердо стояла на той точке зрения, что Горская Республика, в состав которой входили Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Северная Осетия со сплошным мусульманским населением по праву принципа свободного самоопределения, должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имел никаких притязаний. Политическое руководство Азербайджанской Республики не прекращало поиск способов влияния на ход политических событий на территории не существовавшей к тому времени Горской Республики, фактически вмешиваясь уже в дела Терско-Дагестанского края ВСЮР [6]. Шла кропотливая подготовка к тому, чтобы направить ход предстоявшего антидобровольческого восстания на Тереке и в Дагестане в свою пользу.

После окончательного британо-белогвардейского определения демаркационной линии на Кавказе, которую не должны были переступать добровольцы, заместитель министра иностранных дел Азербайджана А. Зиядханов прямо призвал дипломатического представителя Азербайджана при горском правительстве А. Ахвердова к тому, чтобы он активизировал пропаганду успехов Азербайджана в дипломатической и военной областях среди северокавказских народов. Таким образом, азербайджанское руководство пыталось решить сразу две задачи. С одной стороны, подспудно готовилось восстание горцев против добровольческой власти. С другой стороны, восстание должно было привести к отделению горской территории из-под власти командования ВСЮР с последующим ее присоединением к Азербайджанской Республике.

Для реализации этих планов А. Зиядханов предложил А. Ахвердову начать тайные переговоры с дагестанскими деятелями о желательности временного ввода азербайджанских войск на территорию Терско-Дагестанского края, которую, по планам азербайджанцев, должны были в скором времени покинуть белогвардейцы. Необходимо было оповестить широкие слои населения Дагестана о тех успехах, коих достигло азербайджанское правительство благодаря принятым дипломатическим и военным мерам. Войска генерал А. И. Деникина должны были очистить Дербент и уйти за демаркационную линию.

Азербайджанское правительство предполагало временно занять после ухода добровольцев своими частями Дагестан. А. Зиядханов приказывал А. Ахвердову работать в этом направлении, информировать о настроении населения. Также последнему было предложено переговорить с генералом М. М. Халиловым и сообщить его отношение к азербайджанцам. В конечном итоге азербайджанский представитель при несуществовавшей к тому времени Горской Республике должен был подготовить благодатную почву для безболезненного прибытия азербайджанских воинских частей в Дагестан.

Далее А. Ахвердов, развивая идею своего начальства, информировал министра иностранных дел АДР М. Ю. Джафарова о том, что согласно телеграфному распоряжению последнего за № 1686 им было составлено воззвание к народам Дагестана на тюркском, кумыкском и арабском языках. Между ним и населением была налажена постоянная связь [1].

В конечном итоге руководство Терско-Дагестанского края получило обширные сведения о такой бурной антидобровольческой деятельности А. Ахвердова, и ему от имени руководителя края генерала И. Г. Эрдели было предложено покинуть дагестанскую столицу Темирхан — Шуру. Об этом 20 июня (3 июля) 1919 г. М. Ю. Джафаров докладывал командующему британскими войсками в Баку генералу Д. Шательворту, а А. Ахвердов сообщал генералу М. М. Халилову. Чуть позже нечто подобное по тем же причинам произошло и с грузинским консулом доктором Мачабели, которого выслали из Владикавказа по приказу генерала И. Г. Эрдели в конце 1919 г. [4]

Закавказские государственные новообразования не останавливались ни перед чем, чтобы показать добровольцам, как они опасались угрозы с севера. Именно эта довольно иллюзорная на тот момент угроза заставила Азербайджан и Грузию пойти на заключение 3 (16) июня 1919 г. оборонительного союза сроком на 3 года [7]. Конечно же, в договоре не было зафиксировано, против кого собирались обороняться новоявленные союзники, но все заинтересованные силы в кавказском регионе понимали, какая военно-политическая структура на тот момент казалась наибольшей угрозой для суверенитета закавказских государств.

Очень своеобразную роль играл во всех северокавказских делах того периода британский представитель при ставке главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина генерал Ч. Бриггс [5]. Ему постоянно приходилось «уговаривать» кавказских деятелей не опасаться нападения белогвардейцев на тот или иной народ или страну. Так было как с азербайджанским послом при белогвардейском командовании, так и с делегатами от чеченского народа, которых Ч. Бриггс призывал быть лояльными к новой белогвардейской власти и не восставать против нее.

Деятели горского правительства, оказавшиеся не у дел в середине 1919 г., лихорадочно искали любой информационный повод для того, чтобы напомнить о себе. Видимо, следует считать заключение в июле 1919 г. договора об установлении дружественных отношений между правительствами Кубанской и Горской «республик» в изгнании элементом своего рода информационной войны. Здесь не место рассматривать этот трагический эпизод Гражданской войны на юге России, тем более что о нем достаточно подробно написано в современной отечественной исследовательской литературе [8; 10]. Есть немало объяснений того, что именно толкнуло кубанских и горских деятелей заключать такого рода договор двух несуществовавших государств ни где-нибудь, а именно в Париже. Скажем только об одном: четко прослеживалась линия на создание раскола между горскими народами Терско-Дагестанского края и добровольческим командованием.

Это понимали все заинтересованные региональные силы, а непосредственно выразил правитель Северной Осетии генерал Я. В. Хабаев в своем протесте верховному комиссару союзников на Кавказе полковнику У. Гаскелу. Его возмутил тот факт, что вышвырнутые «смерчем истории» горские деятели не захотели принять того факта, что их время прошло. Наоборот, они активно стремились наверстать упущенное, для чего воссоздали в Тифлисе парламент (меджлис) Горской Республики.

Как видно из этой декларации, горские деятели продолжали считать территорию Терека и Дагестана своим «государством». Правитель Северной Осетии генерал Я. В. Хабаев четко дал понять тем горским деятелям, которые обивали пороги на чужбине в надежде получить иностранную помощь, что Северная Осетия и осети-

ны не мыслили своего будущего вне границ национальной России. Будучи активным участником Терского восстания 1918 г., генерал Я. В. Хабаев настаивал на том, что добровольцы пришли на Северный Кавказ на рубеже 1918–1919 гг. не как захватчики, а как долгожданные освободители от большевистского ига. Несмотря на такие демарши со стороны союзных белогвардейцам горских деятелей, горские деятели в изгнании не переставали вести бурную деятельность. Ими была проведена конференция, на которой было принято решение о создании единого фронта борьбы против белогвардейской власти на Тереке и в Дагестане.

Помимо заявлений горских деятелей к азербайджанскому и грузинскому правительствам, они обращали внимание верховного комиссара союзников на Кавказе американского полковника У. Гаскела на бесчинства добровольцев на горской территории, на разорение и уничтожение аулов в Ингушетии, Чечне, Кабарде, Северной Осетии и Дагестане, на мобилизацию горцев для войны с большевиками, на денежные и имущественные поборы.

В заключение предлагалось создать международную следственную комиссию, которая бы на месте ознакомилась с действиями добровольцев [11]. На это гневное послание горские деятели получили от американского представителя полковника Д. Рея заверение в том, что этот предмет будет в свое время представлен вниманию мирной конференции в надлежащем освещении.

Азербайджанские представители не забывали регулярно выступать в поддержку своих горских союзников [2]. Министр иностранных дел Азербайджанской Республики М. Ю. Джафаров послал британскому представителю на Кавказе сообщение о начавшемся в Дагестане антидобровольческом восстании, о толпах беженцев, направлявшихся в Азербайджан, что могло отрицательно сказаться на внутривосточном положении его страны. М. Ю. Джафаров просил посредничества остановить конфликт и установить нейтральную зону между Дагестаном и добровольцами. Это был уже призыв к прямому вмешательству во внутренние дела Терско-Дагестанского края ВСЮР при помощи британских представителей. Азербайджан просто расписывался в своей бессилии помочь чем-либо существенным своим горским союзникам и повлиять на ситуацию на Тереке и в Дагестане.

Политическое руководство Азербайджана не осознавало, что, кроме гарантий суверенитета на момент нахождения британских войск в этой стране, представители Туманного Альбиона ничем существенным помочь закавказскому государству не собирались. Такого рода присутствие британцев могло продолжаться в Азербайджане бесконечно. Однако летом 1919 г. начали эвакуацию своих войск из Азербайджана. На смену британцам руководство союзников по Антанте намеревалось прислать на Кавказ итальянские войска [12], но начавшийся внутривосточный кризис в Италии помешал этому. В таких условиях руководство Азербайджана в конечном счете осталось один на один со своими проблемами, которые невозможно было решить собственными силами.

В связи с предстоявшим уходом британцев из Азербайджана остро возник вопрос о передаче части Каспийской военной флотилии, находившейся в руках британцев, добровольческому командованию. Азербайджан считал это угрозой своей независимости. Глава Совета министров закавказской республики Н. Усуббеков писал 21 июля (3 августа) 1919 г. генералу Г. Кори о том, что создавшееся положение в связи с передачей белогвардейцам части Каспийской военной флотилии являлось прямой угрозой независимости и территориальной целостности Азербайджана. Это не могло не вызывать вполне естественной тревоги у местного населения, усматривавшего в акте передачи прямое игнорирование его жизненных интересов ввиду усиления враждебно настроенных Азербайджану сил. Н. Усуббеков выразил протест по поводу изложенного факта и попросил Г. Кори во избежание могущих быть на этой почве осложнений аннулировать решение о передаче части Каспийской флотилии белогвардейцам. Характерно, что генерал Г. Кори не посчитал нужным как-либо отреагировать на возмущение главы правительства АДР. 22 июля (4 августа) 1919 г. в том же уведомительном тоне британский генерал сообщил азербайджанскому руководству о новой демаркационной линии между территориями, подконтрольными ВСЮР, и странами Закавказья. По поводу новой границы говорилось то, что исправленная демаркационная линия теперь будет проходить от устья р. Бзыбь к северу вдоль этой реки к границе Сухумского округа, отсюда на восток вдоль северной границы Кутаисской и Тифлисской губерний, затем на восток, вдоль южной границы Дагестанской области.

Несмотря на такое унижительное отношение англичан по отношению к азербайджанскому правительству, последнее, узнав о том, что английские войска в середине августа 1919 г. намеревались покинуть пределы АДР, постановило просить правительство Его Величества об оставлении английских войск в Азербайджане. При этом прибавлялось, что условия, на которых могут быть оставлены английские войска в пределах закавказского государства, могут быть выработаны к обоюдному согласию по получении ответа от британского правительства о принципиальном согласии на оставление войск.

Помимо просьбы об оставлении войск, официальный Азербайджан просил британцев оставить им столько же кораблей для охраны каспийского побережья, сколько они передали их добровольцам. В частности, в азербайджанском обращении говорилось о том, что распоряжением английского командования часть Каспийской военной флотилии была передана ВСЮР. Азербайджанское правительство, заинтересованное в охране берегов своей территории и защите своей столицы, лишено возможности, за отсутствием соответствующих судов, организовать необходимую охрану. Ввиду этого азербайджанские руководители просили британцев передать на тех или иных условиях такое же количество судов для береговой охраны, которое передано ВСЮР для береговой охраны государственной территории.

Однако первое обращение не принесло никаких положительных результатов. Азербайджанское руководство еще раз повторило просьбу получить часть кораблей для охраны своего водного пространства. В просьбе звучала мысль о том, что принятое ныне британским правительством решение оставляет столицу Азербайджанского государства и его берега без надлежащей защиты от возможных нападений извне и со стороны большевиков, что вызывает в населении большую тревогу, могущую повлечь большие осложнения, на что азербайджанское правительство посчитало необходимым указать и еще раз просить британское военное руководство в регионе о передаче в распоряжение АДР просимых судов.

Британский ответ на просьбы азербайджанского руководства был неутешительным: ни просимых войск, ни достаточного количества кораблей для береговой охраны британцы не оставляли

Азербайджанской Республике, предоставив право ей решать свои военно-политические задачи самостоятельно.

Разногласия в политической сфере не помешали представителям главного командования ВСЮР и Азербайджана заключить 29 августа (11 сентября) 1919 г. соглашение о телеграфном, почтовом, железнодорожном и водном сообщениях и выработке проектов соглашений по экономическим и финансовым вопросам.

Улучшение отношений в ряде сфер привело к фактическому началу дипломатических отношений ВСЮР и Азербайджана. 11 (24) сентября 1919 г. Д. Рустамбеков был назначен представителем закавказского государства при главнокомандующем ВСЮР генерале А. И. Деникине. Однако даже это частичное потепление отношений не смогло заставить азербайджанцев полностью пересмотреть вопрос о вмешательстве в дела Терско-Дагестанского края. М. Ю. Джафаров писал 17 (30) сентября 1919 г. новому британскому комиссару на Кавказе О. Уордропу о том, как Азербайджан видит судьбу Дагестана после вывода оттуда белых войск.

В частности, британский комиссар на Кавказе узнал о том, что из создавшегося в Дагестане положения азербайджанское правительство видело тройкий выход. При этом предполагалось, что части армии генерала А. И. Деникина отойдут с территории Дагестанской области за первоначально установленную британским командованием демаркационную линию, проходившую в 5 милях южнее железнодорожной линии Владикавказ — Порт-Петровск и Порт-Петровска.

Первый вариант предполагал временную передачу управления Дагестанской областью правительству Азербайджанской Республики, которое принимало на себя обязательство полного обеспечения тыла армии генерала А. И. Деникина от вторжения в Дагестан большевиков. Второй вариант заключался в предоставлении населению Дагестана возможности организации собственной власти под контролем со стороны союзных держав. И, наконец, третий вариант состоял в образовании в Дагестане особого генерал-губернаторства под управлением британского или американского генерал-губернатора.

Эти довольно фантастические планы остались без ответа со стороны британцев. Одновременно с этим последние охотно инфор-

мировали Д. Рустамбекова о планах добровольцев относительно судьбы Азербайджана, о мнении британцев по поводу вывода белогвардейских сил из Дагестана и назначении там британского генерал-губернатора. 10 (23) октября 1919 г. Д. Рустамбеков писал М. Ю. Джафарову о том, что в связи с этим вопросом англичане из Таганрога послали в Дагестан полковника Роуландсона, который вернулся оттуда с докладом.

Д. Рустамбеков сетовал на то, что, вопреки его утверждению, британцы считали, что дагестанское восстание носило характер не национальный, а большевистский, что было очевидно из ряда документов, обнаруженных у пленных дагестанцев. Эти документы установили, по словам полковника Роуландсона, связь дагестанцев с астраханскими большевиками, почему это восстание не могло пользоваться симпатиями британцев, которые относились к нему крайне отрицательно.

В очередной раз был поднят вопрос о судоходстве на Каспии. М. Ю. Джафаров в ноте от 13 (26) октября 1919 г. призвал О. Уордропу стать третейским судьей в споре между представителями ВСЮР и Азербайджана. Дело было в том, что белогвардейские руководители предъявили азербайджанскому правительству требование со ссылкой на Туркманчайский договор 1828 г., заключенный между Россией и Персией. В нем, в частности, говорилось о незамедлительном прекращении плавания азербайджанского флота под национальным флагом, что, по мнению азербайджанских деятелей, не могло быть обязательным для Азербайджана.

Указанное требование о прекращении плавания кораблей Азербайджанской Республики под ее национальным флагом правительство закавказского государства рассматривало как агрессивное выступление против своего государства со стороны белогвардейцев, пользовавшихся при этом полученной от британского командования Каспийской военной флотилией. Заявив главнокомандующему ВСЮР протест против нарушения прав Азербайджанской Республики, М. Ю. Джафаров просил О. Уордропу довести до сведения его правительства сложившуюся ситуацию для принятия необходимых мер к устранению возможных осложнений.

Помимо всего прочего, Азербайджан пытался играть активную роль на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., добиваясь

от победителей в Первой мировой войне признания своей независимости. Его делегацию возглавлял заочно избранный председателем парламента Азербайджанской Демократической Республики бывший депутат Государственной думы Российской империи А. М. Топчибашев. Посылая ему на Парижскую мирную конференцию сводки о делах на Кавказе за октябрь — ноябрь 1919 г., азербайджанские дипломаты останавливались на критических моментах в азербайджано-белогвардейских отношениях. Среди них: покушение на генерала Н. Н. Баратова, недопущение белогвардейским командованием судоходства на Каспии под азербайджанским флагом и временное прекращение выдачи пропусков из Дагестана в Баку.

В разделе о Дагестане представители азербайджанского МИДа полностью откращивались от вмешательства руководства своего государства в дела Северного Кавказа. А. М. Топчибашев узнал о том, что положение в Дагестане было по-прежнему сложным. Возникшее восстание в Дагестане одно время охватило всех горцев, которые во многих местах наносили чувствительные удары добровольческим войскам. Был момент, когда горцы находились в нескольких верстах от Темирхан-Шуры, но затем под давлением усилившихся отрядов добровольцев вынуждены были отступить, а добровольческие отряды, пользуясь этим, разгромили многие аулы.

Напряженную картину азербайджано-белогвардейских отношений отразили сотрудники азербайджанского МИДа в обзоре событий за ноябрь 1919 — январь 1920 г. на имя главы своего ведомства М. Ю. Джафарова. В нем указывалось на то, что с самого начала наступления белогвардейской армии на Москву угроза продвижения ее частей на Баку не ослабевала. Несмотря на то, что горцы по-прежнему вели упорную партизанскую войну против добровольцев в Темирхан-Шуринском и Дербентском округах, прочное положение, занятое сухопутными войсками добровольцев и Каспийской военной флотилией в Порт-Петровске, постоянно создавало известную военную угрозу для азербайджанского суверенитета.

После того, как переговоры азербайджанского руководства с генералом Н. Н. Баратовым прекратились, его представитель в Баку полковник В. А. Палицын покинул пределы Азербайджана, несколько не скрывая от азербайджанского правительства, что его

отъезд связан с возможностью агрессивных действий белогвардейской армии против этой страны. Одновременно объявленная блокада Грузии со стороны войск А. И. Деникина и фактическое приведение ее в действие путем захвата судна и баржи вызвало такое же негодование и протесты Грузии, как и угрозы порт-петровских штабов по адресу Азербайджана.

Наконец, приказ А. И. Деникина о том, чтобы офицеры азербайджанской армии русского происхождения немедленно покинули свою службу и явились в белогвардейскую армию, был последним по времени вызовом по адресу Азербайджана. По мнению азербайджанских дипломатов, ВСЮР за все время своего господства на Северном Кавказе представляли собой серьезную угрозу всему делу независимости Азербайджана.

Наконец, 25 января (7 февраля) 1920 г., в период поражения южнорусского Белого движения, верховное командование ВСЮР приняло решение признать юридически независимость государств Закавказья. Следует отметить, что такого рода признание произошло в силу того, что несколько ранее Азербайджан и Грузию признали Франция, Великобритания и Италия [3].

Подводя краткие итоги, следует сказать о том, что отношения главного командования ВСЮР и политического руководства Азербайджана были изначально крайне обостренными. С момента занятия частями генерала А. И. Деникина Дагестана в мае 1919 г. по момент ухода белогвардейцев с территории Терека и Дагестана в марте — апреле 1920 г. азербайджанское руководство постоянно подозревало белогвардейцев в намерении лишить закавказское государство независимости. Тем более что все предпосылки для этого имелись, т. к. белогвардейское командование видело смыслом своего существования воссоздание единой, неделимой России, в которой не было бы места независимому Азербайджану.

Однако ситуация на Кавказе в 1919 г. складывалась таким образом, что суверенитет закавказского государства был гарантирован присутствием там британских вооруженных сил. Однако дальше этих гарантий британцы не шли, занимаясь в основном экономической эксплуатацией природных ресурсов региона. Окончательно выводив свои войска из Азербайджана в августе 1919 г., британцы тем не менее сохранили там свое влияние. Белогвардейско-азербайджанские

1918-1920

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

100

История, политика, культура

Сборник статей

Посвящается светлой памяти создателей
Азербайджанской Республики

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018